

МОРОЗОВ
Арсений Иванович

Ф. Е. Мельников,
Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви

Барнаул, 2006г

ЦИТАТЫ

... «К славной плеяде мирских церковно-общественных деятелей старообрядчества «Золотого периода» нужно отнести прежде всех Арсения Ивановича Морозова. В предыдущей главе мы уже говорили о нем, как о создателе великолепного хора, получившего его имя - Морозовского, прославленного на всю Россию, - а также как об издателе весьма ценных певче-крюковых книг. Арсений Иванович принадлежал к старым уже деятелям. Выше нами нередко упоминаемый и цитируемый московский профессор Николай Субботин очень часто сообщал в своем "Братском Слове" о деятельности Морозова как старообрядческого представителя, рисуя его, по своему враждебному обыкновению, как злого "раскольника" и опасного "врага православной церкви". В действительности же толерантный, заботившийся и о "православных", Арсений Иванович был лишь беспримесным и примерным во всех отношениях старообрядцем, истинным "ревнителем древнего благочестия", какового достоинства своего никогда не скрывал ни перед православными своими друзьями и знакомыми, ни перед кем бы то ни было. Уже то одно, что он, высокообразованный человек, знавший и иностранные языки, директор и хозяин самой большой в России фабрики, так откровенно безбоязненно являл себя истинным и строгим старообрядцем, было, несомненно, по оценке разных Субботиных, "опасной пропагандой раскола". Близко же к своему сердцу принимал Арсений Иванович все дела старообрядческой Церкви и по своему усердию откликался на них. Его знала вся старообрядческая Россия как верного и достойного ревнителя древлего православия. Особенно он усердствовал по отысканию достойных кандидатов на священные степени. Таковых Субботин величал "морозовскими ставленниками". Пользуясь своим авторитетом и влияя на многие церковные дела, Арсений Иванович, однако, никогда не злоупотреблял им, неизменно проявляя послушание и смирение перед иерархами». Состоя членом Совета московской общины, Арсений Иванович принимал участие во всех ее делах. Скончался Морозов в 1930 г. у себя на фабрике, в Глухове» ...

... «В ноябре 1902 г. в митрополию прибыла старообрядческая делегация из России, уполномоченная Третьим Всероссийским Съездом старообрядцев, состоявшая из следующих лиц: Д.В. Сироткина (из Нижнего Новгорода), А.И.Морозова (из Богородско-Глухова), М.И.Бриллиантова (из Москвы), Ф.Е. Мельникова (из Петрограда) и Н.Д.Зенина (из Егорьевска). Цель ее - ознакомить митрополита с положением церковно-иерархических дел старообрядческой Церкви в России и установить между нею и митрополией более тесную духовную связь. Делегация эта потом посетила греческое кладбище в г. Триесте, на котором похоронен м. Амвросий, разыскала его могилу и подняла вопрос о перенесении тела почившего святителя в Белокриницкий монастырь»...

... «Большевики многих фабрикантов расстреляли; многие фабриканты бежали за границу. Но Арсений Иванович остался на месте. Его не тронули большевики, так как на защиту его выступила вся его фабрика, но выселили его из дома, и он поместился со своей женой в сторожке при старообрядческой церкви, терпеливо неся эту [...], в церкви он исполнял обязанности звонаря и старосты, [...] в ближайшей роще собирал дрова, сам топил печи, [...] и не хуже другого пролетария выполнял это. [...] большевики ставили его трудолюбие в пример своим товарищам. В партийно-коммунистической газете "Правда" была напечатана статья под названием "Хозяйский глаз", в которой ярко описывается многообразная былая забота Арсения Ивановича о своей фабрике и о рабочих ее. Замечательно, что, когда в 1905 г. бастовали все фабрики по всей России, только одна Богородско-Глуховская не бастовала. Рабочие так были преданы своему бывшему хозяину, что, когда он умер, горько плакали о нем и решили нести его на Рогожское Кладбище, в Москву, за 60 верст от Глухова, на своих руках. Но такого "торжества" не допустила советская власть: она свезла тело А.И. Морозова на Рогожское Кладбище на [...] ...

... «Был, однако, случай, когда по вине Морозова был записан один брак незаконно. Тогдашний московский архиепископ немедленно отлучил Арсения Ивановича от всякой святыни, пока [...] мер к расторжению этого брака. Как только стало известно [...] срочно состоялось заседание Совета Рогожского Кладбища, состоящего из сорока лиц [...] из именитого купечества, и по его решению Арсений Иванович был исключен, как отлученный, из [...] учреждений, в которых он состоял членом. Он не посмел обсуждать по существу архиепископское отлучение. Арсений Иванович принес архиепископу слезное прошение с обещанием [принять] меры к расторжению незаконного брака, и только тогда [было снято] с него отлучение. Тогдашняя светская печать [отмечала этот] факт, как свидетельствующий о великом достоинстве [...]» ...

... «Наиболее совершенным было "морозовское" пение. Такое название получило оно от имени крупнейшего старообрядческого деятеля последнего времени (перед "золотым" периодом) Арсения Ивановича Морозова, известного фабриканта Богородско-Глуховской мануфактуры (вблизи Москвы). Он имел возможность содержать при старообрядческой церкви на своей фабрике огромный хор певцов и певиц (до 150 человек [...]), составленный из служащих и рабочих фабрик, а [...] "Императорское Общество Любителей Древней Письменности" издало на средства Арсения Ивановича (посредством светопечати) весь "Круг древнего церковного крюкового истинноречного пения знаменного распева"; в него вошли Октай, Обиход (с Литургиями), Ирмосы, Праздники и Трезвоны. Напечатаны они с рукописи регента Морозовского хора Ивана Аверьяновича Фортова. Что особенно было важно, в этом "Круге" была напечатана "Азбука певчая", в которой даны объяснения всем крюкам (знаменам): не только того, сколько какой крюк содержит в себе тонов и каких именно (ут, ре, ми и т.д.), но и какая их выдержанность: скорость, продолжительность, переходы вверх и вниз и где над каким текстом, по смыслу его, они пишутся. Эта "Азбука" устанавливала полноту и совершенство искусства церковного пения»

Ф.А.СЕЛЕЗНЕВ, д.и.н., профессор ННГУ

Роль буржуазии в организации всероссийских старообрядческих съездов

г-та «Старообрядец» (Н.Новгород), №33, 2005г

ЦИТАТЫ

... «Следующий, VII съезд старообрядцев прошел 2-5 августа 1906 г. в Нижнем Новгороде. Главное внимание он уделил рассмотрению "Положения о всероссийских съездах старообрядцев". Утверждение властями этого документа должно было дать съездам полностью официальный, законный статус. Был принят (с изменениями) проект, предложенный **В.Е.Макаровым**.

Делегаты избрали новый состав Совета съезда. Председателем остался Д.В.Сироткин. А вот его товарищем вместо начетчика Бриллиантова избрали московского банкира П.П.Рябушинского. Вообще, число предпринимателей в Совете значительно увеличилось. Казначеем стал купец И.А.Пуговкин, товарищем казначея - представитель известной семьи московских купцов-старообрядцев И.П.Трегубов. В члены Совета наряду с начетчиками Ф.Е.Мельниковым и М.И.Бриллиантовым, вошли начетчик и одновременно фотограф и книготорговец **Н.Д.Зенин**, а также московский текстильный фабрикант Н.Т.Кацепов. Кандидатами в Совет были определены: **А.И.Морозов**, Ф.А. Детинов, П.Н.Пастухов (представитель старообрядцев Никополя Екатеринославской губернии) и рязанский купец Ф.И.Масленников» ...

... «Вопрос о переселении на дальневосточные земли подробно обсуждался и на X съезде, который прошел в Нижнем Новгороде, в доме Сироткина, 18- 19 августа 1909 года. Кроме того, делегаты съезда рассмотрели пути развития старообрядческих школ, а также создание в старообрядческих селениях учреждений мелкого кредита и сельскохозяйственных обществ.

Съезд показал, что влияние Д.В.Сироткина в старообрядческой среде ослабело. Хотя он и был избран на новый трехлетний срок председателем Совета съездов, но, зато, его ближайший сподвижник М.И.Бриллиантов в Совет не попал. Товарищем председателя остался П.П.Рябушинский. В Совет вошли: Ф.Е.Мельников, **Н.Д. Зенин**, Ф.И.Масленников, Н.Т.Кацепов. Кандидатами в Совет были названы А.И.Королев, П.Н.Пастухов, **А.И.Морозов**, Г.В. Конюков. Казначеем был избран И.А.Пуговкин, товарищем казначея - И.П.Трегубов. В члены ревизионной комиссии попали А.И.Королев, В.Е.Макаров, Г.В.Конюков, И.В.Галкин» ...

... «Морозовы ... принадлежали к старообрядцам «приемлющим священство Белокриницкой иерархии» (то есть подчинявшимся митрополиту, жившему в селе Белая Криница на территории Австро-Венгрии) ...

С.Г. Вургафт, И.А. Ушаков

Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы.

Опыт энциклопедического словаря

ЦИТАТЫ

... «Видный старообрядческий деятель и благотворитель Арсений Иванович Морозов (1850-1932) также принадлежал к старообрядцам, приемлющим белокриницкую иерархию. При нем фамильное дело достигло наивысшего развития. На мануфактуре трудилось до 10000 рабочих. Как глава правления Арсений Иванович сделал многое для поддержания социального мира в Глухове, строил много школ, больниц, домов призрения, помогал рабочим ссудами для строительства и т.п. В 1911-1912 гг. в Богородске его усердием был построен городской старообрядческий храм во имя пророка Захарии и великомученицы Евдокии (тезоименитые святые его деда и бабушки) по типу древней церкви Евфросиньи Полоцкой в Полоцке (арх. И.Бондаренко), а при храме во имя святителя Николы, что при мануфактуре, создан знаменитый в 1908-1911 гг. на всю Россию Морозовский хор. Арсений Иванович был большим любителем и знатоком церковного пения. Еще в молодые годы (1885 г.) он опубликовал литографированный "Полный круг древнего знаменного пения" в шести томах. Последние годы жизни Арсений Иванович доживал при советской власти в одном из домов, построенных им вокруг Захарьинской церкви» ...

... «Московский старообрядческий учительский институт - учебное заведение, основанное в 1911 г. при общине Рогожского кладбища... Институт задумывался для подготовки преподавательских кадров в старообрядческие школы и училища, которые в начале 20 века. стали возникать повсеместно. В первые четыре года изучались катехизис, литургика, история церкви и старообрядчества, славянский, русский, греческий и немецкий языки, история, география, математика, физика, логика, психология, крюковое пение и основы иконописи. На двух специальных курсах изучались догматическое, нравственное, сравнительное богословие, история Священного Писания и старообрядчества, церковное право и педагогика.

Первым директором института стал А.И.Рыбаков (отец историка академика Б.А.Рыбакова)... Попечительский совет, состоявший из известных деятелей старообрядчества. В него входили С.П.Рябушинский - председатель и, по сути, главный руководитель института, А.И.Морозов, Т.С.Морозов, С.Д.Милованов и др. члены совета), рассмотрел рекомендации местных старообрядческих общин и принял без экзамена 23 чел... Институт просуществовал до 1918 г., когда был закрыт большевиками. Последним директором института был Ф.Е.Мельников» ...

* * *

Люди Богородского края

Морозов Арсений Иванович

«Невысокого роста, коренастый, ...с небольшой бородкой, с насупленными бровями, из-под которых глядели глаза быстрые, открытые, но добрые... Среди рабочих А.И.Морозов пользовался уважением за строгость в деле и добрые проявления в жизни»¹;

1910 г. – мануфактур – советник, потомств. поч. гражд., место прописки – г.Богородск, в 1867 г.окончил курс наук в 3-й Московской реальной гимназии, ордена: св.Станислава – 3 степени, св.Анны – 2-й степени, св.Владимира – 4-й степени. 17 мая 1896 г. по представлению Мин.финансов, серебряная медаль на Андреевской ленте в честь свящ. коронования Николая II , бронз. медаль на ленте из госуд. цветов за всеобщую перепись 1897 г. В 1901 г. в составе директоров Комп. Б. – Гл.мануф²;

Товарищ председателя Совета общины Рогожского кладбища³;

Почетный председатель Богородско-Глуховской старообрядческой общины⁴;

Член-жертвователь Елизаветинского Благотворительного Общества, 1900г⁵;

Делегат 9-го Всероссийского съезда старообрядцев, приемлющих белокриницкую иерархию⁶;

Почетный член, действительный член Богородского общества распространения среднего образования⁷;

С 1876 г. заведующий 19 военно-конским участком (Ямкинская в.), представлен к награде (1910)⁸;

Член Совета старообрядческой общины в д. Большой Двор, избран 23 марта 1908 г⁹;

Почетный председатель коровинской старообрядческой общины¹⁰;

Почетный член Рижского взаимно-вспомогательного, благотворительного и просветительского общества старообрядцев (с. 1909 г.)¹¹.

¹ Из воспом. И. Е. Бондаренко. Старообрядчество. История, культура, современность. М. 1997. с. 220

² Стат.акц.дела ...СПб.1901, с.273)

³ Церковь. Журнал. 1908. №30. с. 1042

⁴ 1911г

⁵ Отчет Богородского комитета Елизаветинского Благотворительного Общества за 1900 г. Б. 1901

⁶ 2-4 августа 1908 г. в Нижнем Новгороде) (Труды съезда... М. 1909).

⁷ Отчет о деятельности Богородского общества распространения среднего образования за 1912 г. Б. 1913

⁸ ЦИАМ, ф. 384, оп. 1, д. 139

⁹ Церковь. Журнал. 1908. №14. с. 520

¹⁰ Церковь. Журнал. 1912. №44. с. 1069

¹¹ Галкина Е., Мусина Р. «Кузнецовы. Династия. Семейное дело», М. 2005, С. 208, 210

О.П. Ершова

Российский государственный университет дружбы народов

Старообрядческое общество Москвы рубежа XIX – XX веков и Морозовы

ЦИТАТЫ

Говоря о культурной среде российского старообрядчества, нельзя не вспомнить и такого авторитета всего староверческого мира, как Арсений Иванович Морозов. Деятельность его на ниве упрочения положения староверия в России была разнообразной и разноплановой, в том числе многое было сделано для развития культуры в старообрядческой среде. Им был создан знаменитый Морозовский хор, просуществовавший более тридцати лет, способствовавший не только сохранению традиционной русской музыкальной культуры, но и ее дальнейшему развитию; посредством некоторой "модернизации" Арсений Иванович стремился приблизить духовную церковную музыку к возможностям восприятия людьми того времени. Большое значение имела эта деятельность для воспитания вкуса и пристрастия к духовной музыке у тогдашней молодежи. Благодаря стараниям А.И. Морозова еще в 1884 г. "Обществом любителей древней письменности" был издан шеститомный "Круг знаменного церковного пения", сборник знаменитых распевов, что без сомнения также способствовало развитию музыкальной культуры. Можно вспомнить также о знаменитых коллекциях Арсения Ивановича: русская и западноевропейская живопись, иконы, декоративно-прикладное искусство; храмы, построенные по его инициативе на его средства. Один из аспектов проблемы формирования культурной среды старообрядчества и ее соотношения с уровнем существующей цивилизации был поставлен о. Сергеем Дурасовым: о роли деятельности Морозова в процессе "органичного вращивания древнеправославного духовного наследия в городскую техническую культуру 20-го века". Совершенно справедливо автором была подчеркнута актуальность изучения данного направления деятельности А.И. Морозова для духовного возрождения не только старообрядческого мира, но и всей России. Трагическая судьба самого Арсения Ивановича после событий 1917 года, а также дела, которому он посвятил всю свою жизнь, приостановили развитие этого очень важного направления в отечественной истории и культуры.

* * *

А. С. Соколов поздравляет с успешной защитой И.В. Дынникову

25 декабря 2008г в стенах Московской государственной консерватории под председательством Александра Сергеевича Соколова состоялось заседание диссертационного совета, по результатам которого Ирина Владимировна Дынникова удостоилась звания – кандидат искусствоведения за диссертацию «Морозовский хор в контексте старообрядческой культуры начала XX века». На защите присутствовала Ирина Саввишна Морозова.

В следующем году по материалам кандидатской диссертации издана книга с аналогичным названием.

§13 Граммофонные пластинки

Среди многочисленных новаторских шагов, которыми богата история Морозовского хора, особое место занимает еще одна инициатива Арсения Ивановича Морозова – запись песнопений знаменного роспева на граммофонные пластинки. Как и большинство его начинаний, связанных с церковным пением, запись граммофонных пластинок была предпринята в истории старообрядчества впервые. Она осуществлялась в 1907, 1909, 1910 гг. фирмами *Veка Grand* и *Gramophone* на средства Арсения Ивановича, а также при поддержке еще одного известного старообрядческого деятеля – Никифора Дмитриевича Зенина.

Никифор Дмитриевич Зенин

Знаменитый начетчик, писатель, полемист, высокообразованный человек Н. Д. Зенин являлся одним из самых активных участников церковно-общественной жизни русского старообрядчества рубежа XIX–XX веков. Круг его интересов был необычайно широк. Никифор Дмитриевич исполнял обязанности казначея Союза старообрядческих начетчиков, занимался издательской деятельностью, сотрудничал со старообрядческими журналами (часто под псевдонимом *Гостилловский*), являлся владельцем книжного магазина и обладателем замечательной библиотеки. Известен он и как старообрядческий фотограф. Член Русского фотографического общества в Москве, хозяин светописной мастерской в г. Егорьевске, Зенин оставил потомкам многочисленные фотосвидетельства жизни старообрядчества той поры. Именно им были сделаны снимки представителей старообрядческого

духовенства, церковно-общественных деятелей. Никифор Дмитриевич первым запечатлел вид алтарей храмов Рогожского кладбища в момент их распечатания 16 апреля 1905 года. Состоял Зенин также в Московском и Международном обществах эсперантистов – *Moskva societato esperantista* и *Universala esperantista asocio*. На языке эсперанто он вел обширную переписку. Среди его корреспондентов был в том числе и старообрядческий епископ Рязанский Александр (Богатенко). На именном бланке Зенина указано, что *«корреспонденция может быть*

присылаема, кроме русского языка, также и на международном эсперанто, немецком, французском, польском, на всех славянских наречиях вообще и на латышском».

В вопросах развития и пропаганды старообрядческой культуры Н. Д. Зенин явился единомышленником Арсения Ивановича Морозова. Сотрудничая с вышеупомянутыми звукозаписывающими фирмами, он содействовал не только выпуску граммофонных пластинок с пением Морозовского хора, но и их распространению.

Как и многие нововведения морозовцев, появление пластинок с записями хора вызвало неоднозначную реакцию у старообрядцев, разделившихся на два лагеря – сторонников и противников *«славления Бога на бездушном предмете»*. По традиции, бурная дискуссия между ними развернулась на страницах старообрядческой прессы. Главными противниками выпуска граммофонных пластинок стали представители старообрядческой иерархии. Наиболее категорично прозвучало мнение старообрядческого священника Евфимия (Карнышева), который в открытом письме Зенину писал:

«Нет, прославлять Бога мы должны только одушевленным человеческим организмом (см. толкование на 150-й псалом св. Исидора Пелусиота)... Тогда незачем и в церковь ходить: поставь каждый христианин граммофон в доме, а монах в келье и слушай прекрасное пение Морозовского хора, которого, конечно, в церкви не услышишь, кроме г. Богородска».

Многие старообрядцы возражали против использования граммофона, так как на нем же после церковного пения могла проигрываться и светская музыка. Однако, пластинки быстро разошлись по всей России и во многих приходах использовались в качестве своего рода учебного пособия. Именно этот факт послужил сторонникам выпуска пластинок основным аргументом в пользу последних. Например, Н. Д. Зенин, отвечая в одной из своих статей на цитированное нами открытое письмо Е. Карнышева, рассказывает о том, как в г. Бежецке Тверской губернии дети одного крестьянина выучили песнопения по пластинкам. В одном номере со статьей Зенина помещена заметка о лекции с *«прослушиванием пластинок хора А. И. Морозова»*, состоявшейся в Просветительском старообрядческом обществе г. Риги.

Весь репертуар песнопений, записанных на пластинки, установить на сегодня невозможно. Личный архив Н. Д. Зенина погиб после революции. Доступ к архивам фирм Века Grand и Gramophone затруднен. Частично составить список зафиксированных на фонограммы песнопений возможно по имеющимся в нашем распоряжении записям и сведениям в старообрядческих периодических изданиях: *«Тысячелетие Крещения Руси. 988-1988. Старообрядческое церковное пение. Альбом пластинок»*, *«Старообрядческая Архиепископия Московская и всея Руси, 1988»*, *«Старообрядческий Церковный календарь. – М., 1910»*

Согласно этим источникам:

в 1907 году фирмой Gramophone были выпущены следующие пластинки:

1. M0 24750. «Отче нашъ», демеством, (пластинка «Гигант»). – Gramophone, Москва, 1907.
2. C 24950. «Пасха». – Gramophone, Москва, 1907.
3. C 24951. «Блаженъ мужъ», знаменного напева. – Gramophone, Москва, 1907.
4. C 24952. «С нами Богъ». – Gramophone, Москва, 1907.

5. С 24953. «Хвалите имя Господне», знаменного напева. – Gramophone Москва, 1907.
6. С 24954. «Волною морскою», знаменного напева. – Gramophone, Москва, 1907.
7. С 24955. «На реце Вавилонстей», знаменного напева, 1-я статья. – Gramophone, Москва, 1907.
8. С 24956. «Благослови душе моя Господа». – Gramophone, Москва, 1907.
9. С 24957. «Яко о душевнемъ». – Gramophone, Москва, 1907.
10. С 24958. «Плотию уснувъ», знаменного напева. – Gramophone, Москва, 1907.
11. С 24959. «Святъ, святъ», болгарского роспева. – Gramophone, Москва, 1907.
12. С 24960. «На реце Вавилонстей», 3-я статья. – Gramophone, Москва, 1907.
13. С 24961. «Кровь и огонь», в неделю Богоотец. – Gramophone, Москва, 1907.
14. С 24962. «Слыши отроковице», 4 гл. – Gramophone, Москва, 1907.
15. С 24963. «Отче нашъ», 6 гл. – Gramophone, Москва, 1907.
16. С 24964. «Се тьма и рано», 7 гл. Стихира евангельская. – Gramophone, Москва, 1907.

Пластинки, вышедшие в 1909 году в фирме Beка Grand:

1. С 45703. «Господи воззвахъ к тебе», 1 гл. (сокращенно), знаменного роспева. – Beка Grand, Москва, 1909.
2. С 45704. «Господи воззвахъ», 3 гл. (сокращенно), знаменного роспева. – Beка Grand, Москва, 1909.
3. С 45705. «Два антифона», 4 гл. (антифонно). – Beка Grand, Москва, 1909.
4. С 45706. «Хвалите имя Господне» (сокращенно), Московского напева. – Beка Grand, Москва, 1909.
5. С 45707. Стихира 1 гласа, подобен «Небеснымъ чиномъ», с канонархом А. С. Цеповой, знаменного роспева, введению. – Beка Grand, Москва, 1909.
6. С 45708. «Венчание»: а) Господи помилуй; б) Положил еси, в) Святии мученицы, г) Слава тебе, Христе Боже. – Beка Grand, Москва, 1909.
7. С 45709. «Днесь вернии ликовствуемъ», 1 гл., знаменного роспева (на венчании для встречи невесты). – Beка Grand, Москва, 1909.
8. С 45711. «Гласъ Господень», 8 глас. – Beка Grand, Москва, 1909.
9. С 45712. «Воскресение твое, Христе Спасе», 6 глас, на стиховне знаменного роспева. – Beка Grand, Москва, 1909.
10. С 45713. «Поемъ тя», демественного роспева. – Beка Grand, Москва, 1909.
11. С 56710. «Радуйся и веселися», 8 глас, знаменного роспева (на венчании для встречи жениха). – Beка Grand, Москва, 1909.

Достаточно полная информация о записях, сделанных в 1910 году, содержится в журнале «Старообрядческая мысль».

Никифоръ Дмитріевичъ Зенинъ

въ г. Егорьевскѣ, Рязанской губ.,

предлагаетъ граммофонныя пластинки съ записями духовнаго старообрядческаго хора А. И. Морозова.

Пластинки грандъ, двухстороннія, по 1 руб. за штуку.

1. { „Пасха“, знаменнаго напѣва (смѣшанный хоръ).
„Отче нашъ“, гласъ 6 (женскій хоръ).
2. { „Съ нами Богъ“, знаменнаго напѣва (смѣшанный хоръ).
„Благослови душе моя Господа“, предначальный псаломъ (смѣшанный хоръ).
3. { „Яко о душевнемъ“, знаменнаго напѣва (смѣшанный хоръ).
„Слыши отроковице“, гласъ 4 (женскій хоръ).
4. { „Кровь и Огнь“ въ недѣлю Бого-Отець (женскій хоръ).
„Сетьма и рано“, гласъ 7 Евангельская стихира (женск. хоръ).
5. { Волною морскою.
Плотію уснувъ.
6. { На рѣцѣ Вавилонстей. Статья I.
„ „ „ „ „ III.
7. { Блаженъ мужъ, знаменнаго напѣва.
Хвалите имя Господне, знаменнаго напѣва.
8. { „Два Антифона 4-го гласа (антифонно), знаменнаго распѣва.
„Гласъ Господень“ 8 гласа (на водоосвященіи 6-го января), знаменнаго распѣва.
9. { Стихира 1 гласа, подобенъ „Небеснымъ чиномъ“ съ канонархомъ А. С. Цѣповой (Введенію Пресвятыя Богородицы), знаменнаго распѣва.
„Вѣнчаніе“: а) Господи помилуй, б) Положилъ еси, в) Святіи мученицы, г) Слава Тебѣ Христе Боже.
10. { „Днесъ вѣрніи ликовствуемъ“ 1 гласа знаменнаго распѣва (на вѣнчаніи для встрѣчи невѣсты).
„Радуйся и веселися“ 8 гласа знаменнаго распѣва (на вѣнчаніи для встрѣчи жениха).
11. { „Хвалите имя Господне“ (сокращенно), Московскій напѣвъ.
„Воскресеніе твое Христе Спасе“, 6 гл. На стиховнѣ, знаменнаго распѣва.
12. { „Господи воззвахъ къ Тебѣ“, 1 гласъ (сокращенно), знаменнаго распѣва.
„Господи воззвахъ къ Тебѣ“, 3 гласъ (сокращенно), знаменнаго распѣва.
13. { „Поемъ тя“, демественнаго распѣва.
„Два Антифона“ 4 гласа (антифонно), знаменнаго распѣва.

Граммофоны имѣются на цѣны: 18, 20, 25, 30, 35, 40, 50, 65, 75 и 100 руб. за штуку.

==== *Требуйте каталоги съ рисунками.* ====

В статье «Новая граммофонная запись церковных песнопений» приводятся следующие сведения:

«В октябре 1910 года дирекция московского общества «Патефон» предложила Цветкову записать новые пластинки, «играющие бесшумно, без иголок, камнем сапфиром». 27 октября сего года часть хора отправилась и напела: «Херувимскую» – знаменного распева, Аминь, Яко до Царя, Ектению – знаменного распева, Святъ, святъ – зн.р., Поем ты – зн.р., Отца и сына,

Милость Мира, И со духомъ твоимъ, Имамы ко Господу, Достойно и праведно – зн.р., В чермнемъ море – догматик 8-го гласа зн.р., Стихира 8-го гласа подобен «О преславное чудо» (канонарх А. С. Цепова), Достойно – путевого, Символ веры – по членам, На гору ученикомъ – 1-го гласа хомового роспева (напевам московского Преображенского кладбища), На реце Вавилонстей – хомового р. (напевом московского Преображенского кладбища), запев И. М. Цепов – бас».

Одной из главных задач последующих исследований является розыск уцелевших фонограмм в фоноархивах и частных коллекциях. Процесс этот сопряжен с определенными трудностями, так как часть записей была вывезена после 1917 года владельцами звукозаписывающих компаний за рубеж.

Ценность сохранившихся фонограмм Морозовского хора бесспорна. На сегодняшний день – это самый ранний источник, дающий представление о реальном звучании песнопений знаменного роспева.

О значении записей Морозовского хора для современного исследователя писал И. А. Гарднер в уже упоминавшемся в настоящей главе труде «Богослужбное пение Русской Православной Церкви»: *«Граммофонные пластинки с богослужбным пением старообрядцев (речь идет о Морозовском хоре. – И. Д.) представляют для историка богослужбного пения русской Православной Церкви громадную ценность: по ним можно проследить, как исполнялись песнопения, фиксированные безлинейной (столповой или демественной) нотацией, конечно, если знать, по каким безлинейным записям исполнялось фиксированное на пластинке пение. Но именно это представляется теперь, после всех бывших с 1910 г. политических бурь, почти что совершенно безнадежным».*

Идея, высказанная замечательным русским ученым, осуществима, т. к. доподлинно известно, что «безлинейными записями», по которым исполнялись зафиксированные на пластинках песнопения, были шесть томов «Круга Церковнаго Древняго Знаменнаго Пения».

В следующей главе, основываясь на перечисленных письменных и аудиоисточниках, мы предпринимаем попытку анализа интерпретации песнопений знаменного роспева в исполнении Морозовского хора.

И.В. Дынникова, Москва, 2008г

Елена Соловьева

ПРАДЕД МОЙ, МОРОЗОВ

О знаменитой династии русских промышленников и меценатов Морозовых сегодня вспоминают часто. Но в основном на слуху имя лишь наиболее яркого представителя этой фамилии — основателя МХАТа, покровителя и спонсора многих художников, литераторов, музыкантов, ученых и революционеров Саввы Тимофеевича Морозова. Оно и понятно: Савва Морозов был личностью масштабной, оригинальной и загадочной.

А что другие Морозовы? Были ли среди них, помимо Саввы, еще какие-то интересные, достойные внимания люди?

Да, несомненно. И о некоторых из них (например, о Михаиле и Иване Абрамовичах Морозовых) уже немало написано. Другие же ждут своего часа.

Мне же хотелось сказать об Арсении Ивановиче Морозове. И вот почему. Во-первых, я прихожусь ему прямой правнучкой и, как ни мало знаю о нем по воспоминаниям своего отца, бабушки и особенно тетушек (сейчас уже, увы, все они умерли), все же мои скудные сведения заслуживают доверия и внимания хотя бы по той причине, что они — из первых рук. Во-вторых, Арсений Иванович занимал видное место в большом и разветвленном клане Морозовых. В-третьих, прадед входил в группу крупнейших российских промышленников и предпринимателей, а Богородско-Глуховская мануфактура, владельцем которой он был, относилась к числу наиболее процветающих и преуспевающих в Российской империи.

Однако, видимо, есть смысл вкратце изложить историю нашего рода, чтобы читатель составил себе общее представление о том, о какой ветви генеалогического древа Морозовых идет речь.

Зачинателем знаменитой династии текстильных промышленников был крепостной крестьянин помещика Николая Гавриловича Рюмина Савва Васильевич Морозов (1770—1860) из села Зуева Богородского уезда Московской губернии. В 1820 г. он вместе с четырьмя сыновьями выкупился на волю за весьма круглую сумму: 17 тыс. рублей ассигнациями. Его дети Елисей, Захар, Абрам и Тимофей приумножили отцовский капитал и стали еще более оборотистыми фабрикантами, чем Савва Васильевич. Елисей Саввич (1798—1868) основал дело в Орехово-Зуеве. Позже оно было значительно расширено его наследниками (Товарищество Викула Морозов с сыновьями); Захар Саввич (1802—1857) возглавил Богородско-Глуховскую мануфактуру; Абрам Саввич (1807—1856) развернулся в Твери; не отставал от братьев и Тимофей Саввич (1823—1856), открывший по соседству с Елисеем свое заведение по производству хлопчатобумажных тканей — Никольскую мануфактуру.

Таким образом сложились четыре самостоятельные фирмы, пошедшие от одного корня. Сообразно географическому местоположению этих предприятий потомков Елисея можно назвать Морозовы — Орехово-Зуевские, потомков Захара — Морозовыми-Богородскими, потомков Абрама — Морозовыми-Тверскими и потомков Тимофея — Морозовыми-Никольскими.

Стало быть, известный Савва Тимофеевич Морозов, которому посвящено целое море литературы (о нем писали Горький, Леонид Андреев, Марк Алданов, К. С. Станиславский с В. И. Немировичем-Данченко и др.), относится к Морозовым-Никольским, а мой прадед Арсений Иванович — к Морозовым-Богородским. Захару Саввичу он приходился внуком.

Унаследовав от своего отца Ивана Захаровича (1823—

АРСЕНИЙ ИВАНОВИЧ МОРОЗОВ

1888) большое, хорошо поставленное дело, прадед вместе с братом Давидом приложил много сил, чтобы модернизировать предприятия. Они привлекли к работе способных инженеров-текстильщиков и значительно обновили управленческий состав. На 1 октября 1913 года оборот средств Компании Богородско-Глуховской мануфактуры превышал 55 млн. рублей, на ее фабриках было занято около 13 тыс. рабочих, а производимые ткани не уступали лучшим зарубежным образцам.

Как и большинство Морозовых, Арсений Иванович крепко держался старой веры, неукоснительно соблюдал посты, не употреблял алкоголь и не курил, водил дружбу с рогожскими старцами и щедро жертвовал деньги на нужды старообрядческой церкви. Сколько он роздал денег бедным и нуждающимся, сколько выделил средств на создание народных библиотек, школ, лечение и обучение малоимущих, сколько ежегодно отчислял на содержание благотворительных учреждений при фабриках Богородско-Глуховской мануфактуры и других — это, по-видимому, сейчас даже трудно установить. Но до сих пор целы в Ногинске построенные прадедом для рабочих дома. До сих пор сохранились возведенные его заботами, говоря современным языком, «объекты соцкультбыта» и церкви. И, главное, осталась в народе долгая благодарная память о нем.

Арсений Иванович, если мне не изменяет память, окончил старейшее в России Московское коммерческое училище, после чего продолжил образование по тому же профилю за границей, в Англии. Он прекрасно знал английский язык, владел немецким и мог немного читать и объясняться по-французски. Однажды в лавке купца Д. И. Силина, торговавшего культовыми предметами и всякой церковной утварью, Арсений Иванович провел на английском целый теологический диспут с некой британкой, очень интересо-

А. И. МОРОЗОВ В МОЛОДЫЕ ГОДЫ

вавшейся старообрядчеством, но ни слова не понимавшей по-русски. Она никак не могла взять в толк, что четверочастный (из 4-х частей) крест это и есть осьмиконечный, но после объяснений прадеда уяснила суть дела.

По словам моей старшей и ныне покойной родни, А. И. Морозов, внешне не производя впечатление особо образованного человека, тем не менее свободно ориентировался в самых разных материях. Память у него была отменная и очень цепкая: раз что-то прочитав или услышав, он запоминал это навсегда. Его особенно интересовала русская старина, русская история и все, что касалось истории русской церкви. А уж в старообрядчестве и различных его толках он разбирался досконально.

У него было неплохое перо, и он деятельно сотрудничал в московском старообрядческом журнале «Церковь», из номера в номер публикуя там полемические материалы в защиту старой веры, освещая дела богородской старообрядческой общины, почетным председателем которой был, иногда помещал свою переписку с официальными лицами (вплоть до министров и самого премьер-министра П. А. Столыпина) по вопросам, затрагивавшим интересы старообрядцев. Не преминул Арсений Иванович обнародовать и личную благодарность государя императора Николая Александровича в адрес богородской старообрядческой общины за вознесенные молитвы и верноподданнические чувства, выраженные членами этой общины по случаю 300-летия Дома Романовых. Любопытны путевые заметки прадеда о поездках по Европе. Они характеризуют его как человека наблюдательного и имеющего обо всем свое мнение. Из достопримечательностей его больше всего интересовали храмы Божьи. В столице Италии он уделил им первостепенное внимание. «Едва ли кто из русских, —

пишет он, — посещал столько церквей, как я в Риме». Отдавая должное древним соборам вечного города, он в то же время тут же обнаруживает, что многое уже подверглось реставрации, причем нередко очень неумелой. Побывав в храме города Бари (на юго-востоке Италии), он находит его богатым по архитектуре и отделке, но лишенным того благолепия, которое столь свойственно церквам в России. Странно ему было видеть, что и старинной живописи там не сохранилось — практически вся она была новой. Однако сильнее всего поразило и буквально шокировало прадеда другое: по храму преспокойно бегали собаки! Они сновали даже подле главного алтаря. В выразительных зарисовках Арсений Ивановича немало подобных картинок.

Прадед был очень музыкален. Но к светской музыке относился сдержанно, предпочитая церковную. Наделенный от природы абсолютным слухом, он сам хорошо пел, и есть внушающие полное доверие свидетельства, что у него были отличные вокальные данные. Недавно мне довелось познакомиться с референтом нынешнего главы русской старообрядческой церкви митрополита Алимпия Рамилом Ивановичем Хрустальевым. И как приятно было от него услышать, что и сегодня посетителям Рогожского кладбища и Покровского собора непременно рассказывают о том, как замечательно пел в церковном хоре этого храма Арсений Иванович Морозов. На правом клиросе у него было постоянное место.

Вообще, если бы А. И. Морозов не стал крупной величиной в купеческом мире и не приобрел авторитета одного из ведущих старообрядческих церковно-общественных деятелей, он, пожалуй, прославился тогда бы только тем, что организовал в Богородске удивительный хор, широко известный в начале нашего столетия как морозовский.

Арсений Иванович был редким знатоком и ценителем древнего знаменного пения. Ему принадлежит несомненная заслуга возрождения этого старинного искусства. До появления морозовского хора было распространено маловыразительное механическое исполнение псалмов и песнопений, скрывавшее всю красоту и проникновенность мелодий и затемнявшее их содержание и смысл, иногда очень глубокий и поэтический.

Если меценатская деятельность Морозовых — Никольских и Тверских была главным образом направлена на поддержку театральных и литературно-художественных талантов, то прадед предоставлял весьма внушительные суммы именно на создание первоклассных народных хоров, возобновивших забытые и утраченные было традиции так называемого крюкового (ноты записывались специальными знаками, напоминающими крючки) пения.

В 1908—1916 гг. морозовский хор с успехом выступал в Москве и Санкт-Петербурге. Несколько концертов состоялось в Большом зале Императорской Московской консерватории. Хор включал 125 человек и даже внешне производил очень благоприятное и отрадное впечатление: мужчины были в кафтанах, женщины — в черных сарафанах и с белыми платочками на головах, а на переднем плане стояла группа девочек-подростков в русском наряде. Если бы не специальное предупреждение, уведомлявшее, что аплодисменты не допускаются, благодарные слушатели устривали бы самодеятельным артистам долгие и бурные овации. Популярность морозовского хора была велика и неуклонно росла. Отклики на его концерты давали влиятельные московские и петербургские газеты, отмечавшие как тщательность подбора голосов в хоре, так и сложность репертуара и исключительную по тонкости исполнения постановку. Несомненным показателем успеха были выпущенные тогда же граммпластинки типа «Гранд» и «Гигант» по 2 и по 3 рубля за штуку, куда вошли напетые духовным хором А. И. Морозова следующие песнопения: «Отче наш...», «Пасха», «Блажен муж», «С нами Бог», «Хвалите имя Господне», «Волною морскою» и др. У любителей церковного гласового пения эти пластинки пользовались устойчивым спросом.

Если судьба сводила прадеда с людьми сведущими в

науках, обладающими обширными знаниями, он не упускал случая вволю с ними потолковать, уяснить что-то для себя непонятное. И при этом ставил очень интересные, часто неожиданные вопросы. Собеседник он был серьезный, но разговаривал подолгу лишь с теми, кто ему не поддакивал, имел свое мнение, с кем без обиняков можно было поспорить. Принимая какое-нибудь ответственное решение, касавшееся производственных проблем, прадед предварительно обязательно выслушивал специалистов. Если в их экспертных оценках были расхождения, сам старался докопаться, где «собака зарыта», чьи суждения ближе к истине и заслуживают большего доверия. Работавшие с ним бок о бок инженеры и технологи отмечали его острый и глубокий природный ум, умение все быстро, на лету схватывать и свойственную всем Морозовым практическую сметку.

На фотографиях Арсений Иванович выглядит, как правило, довольно дородным. Но вообще же роста он был среднего, тучностью не страдал, хотя и был, что называется, в теле. Стригся он обычно коротко, но бороду носил окладистую. Это придавало ему нечто чисто мужицкое. Такое внешнее обличье было тогда характерной приметой изрядной (старообрядческой) части купеческого сословия.

В лучшие свои годы прадед не прочь был приодеться: предпочитал добротные и дорогие костюмы и куртки с неизменной жилеткой, из кармана которой свешивалась золотая цепочка от часов.

Внешность у него была представительная, манеры солидные, походка внушительная. Он слыл занимательным рассказчиком и сам любил послушать бывалого человека, умеющего подмечать в жизни и людях что-либо интересное, смешное или странное. Но терпеть не мог пустопорожних говорунов, беспредметных разговоров и светской болтовни.

Уклад жизни в семье прадеда был, как и во многих старообрядческих семьях, довольно патриархальный. Слово отца и мужа было законом. Жена Арсения Ивановича Любовь Степановна (урожденная Овсянникова) держалась в тени, но, правда, свое мнение отстаивать перед супругом не боялась и умела. Детей (их было пятеро: три дочери — Елизавета, Глафира и Мария, и два сына — Петр и Сергей) воспитывали в строгости, послушании, почитании старой веры, без излишеств и баловства. Бонны, няньки и горничные, хотя и обслуживали их, но не освобождали от самостоятельности выполнения каждым каких-то своих конкретных повседневных обязанностей.

В 1910 году Арсений Иванович вдруг оказался в центре общественного внимания. Шум вокруг особы А. И. Морозова поднялся в связи с его отлучением от церкви. Вот как освещала этот неожиданный для российской публики инцидент столичная газета «Новое время»: «Московский старообрядческий архиепископ Иоанн отлучил от церкви известного в промышленном мире директора богородско-глуховской мануфактуры А. И. Морозова за его сочувствие браку в тех степенях родства, которые не допускаются каноническими правилами. Этот факт произвел громадное впечатление во всем старообрядческом мире и ... вне его, т. к. решение архиепископа опровергает ходячее мнение, будто бы все старообрядческие дела вершают... богатые купцы, которым подчиняется старообрядческое духовенство».

Без преувеличения скажу (специально просмотрела тогдашнюю прессу), что отлучение прадеда от церкви стало настоящей сенсацией. Во всяком случае, эта новость шла чуть ли не вторым номером после сообщений о неожиданном бегстве Льва Толстого из Ясной Поляны.

В чем же состояло прегрешение прадеда? На первый взгляд, речь как будто бы идет о потворстве инцесту. На деле же в брак вступили лица, относящиеся друг другу, как говорится, седьмой водой на киселе. Почему же, спрашивается, последовала такая суровая кара? Ответ прост: по жестким старообрядческим меркам недопустимо, например, было, если мужчина женился на вдове, дочери которой он приходился крестным, или если родные брат и сестра одной фамилии венчались соответственно с родными братом и сестрой другой фамилии и т. п.

ЛЮБОВЬ СТЕПАНОВНА МОРОЗОВА

Интересно, что общественный резонанс вызвал в основном не сам по себе проступок А. И. Морозова, а последовавшее за него наказание. Во многих газетах высказывалась мысль, что в тех браках, заключению которых косвенно способствовал Арсений Иванович, нет кровосмешения, а, следовательно, нет и никакого криминала. Однако сам прадед счел строгий приговор высшего старообрядческого иерарха справедливым и сделал покаянное заявление такого рода: «Сим заявляю, что я сыновне подчиняюсь воле архиепископа Иоанна и несу возложенную на меня кару с терпением». Одновременно он сложил с себя звание члена совета общины Рогожского кладбища.

Конечно, Арсений Иванович тяжело переживал случившееся: он дорожил своим добрым именем, своей деловой репутацией, положением в старообрядческих кругах и потому на газетную шумиху реагировал болезненно, хотя внешне держался, как всегда, спокойно и невозмутимо. Хорошо, что, на его счастье, отлучение от церкви оказалось недолгим. Ввиду чистосердечного раскаяния в содеянном и с учетом прежнего христианского благонравия на провинившегося была наложена другая, более мягкая, епитимья. Арсений Иванович воспрял духом и на радостях отправил щедрые пожертвования на нужды московских сиротских приютов.

Я видела прадеда всего несколько раз. Когда он умер, мне было только девять лет. Поэтому образ его в памяти моей постепенно потускнел и сейчас довольно смутен. Но судя по моим детским впечатлениям, это вовсе не был сломленный жизнью человек. Он был весел, охотно играл со мной, шутил, смеялся, подтрунивал над моими родителями, радовался по поводу моих скромных обнов или хороших школьных отметок.

А ведь судьба ему выпала, мягко говоря, не из легких. Миллионер, коммерции- и мануфактур-советник, хозяин прекрасно налаженных и приносящих огромный и стабильный доход предприятий, он в одночасье превратился после большевистской революции в «лишенца», т. е. человека без элементарных гражданских прав.

Часто задумываясь над тем, почему он не «сломался» как личность, не ожесточился, не озлобился, я прежде всего объясняю этот невероятный его запас прочности старообрядческой закваской, заложенной в гены нескольких поколений привычкой к гонениям со стороны властей и господствующей церкви. Вспомним только, сколько всего пришлось пережить и вытерпеть раскольникам! И все испытания, все злоключения они научились переносить на удивление мужественно и стойко. Жаловаться, унывать, роптать на свою горькую участь, а тем более на Бога было не в их обыкновении. Так и прадед, по-видимому, принял октябрьский катаклизм как очередное неизбежное зло на пути истинно верующих, но заключил для себя, что жизнь продолжается и что надо выдержать этот внезапный удар по своему благополучию и благосостоянию по возможности спокойно, хладнокровно и философски. Но не скорбя особо о себе и не слишком сокрушаясь из-за своей экспропрированной так называемым рабоче-крестьянским государством собственности, он всей душой страдал за детей и внуков, на которых распространялся дискриминационный, унижительный для человеческого достоинства статус «бывших», закрывавший доступ к высшему образованию, к занятию сколько-нибудь значительной должности в советском учреждении, а уж к любой более серьезной карьере — и подавно.

Прекрасно помню, как и моему отцу, высококвалифицированному специалисту-пищеву, и теткам (одна из них еще при старом режиме окончила два европейских университета), как только они пытались определиться на более или менее перспективное место, тотчас напоминали об их происхождении и потом еще долго кололи этим глаза. И они были вынуждены влачить самое жалкое существование. Тетушки так и померли в полунищете, не выйдя замуж, не заведя семьи.

Мне повезло больше. Все-таки я относилась к уже более позднему поколению, прошедшему полную советскую идейную обработку. Определенные трудности из-за моей «анкеты» у меня, конечно, были. Но тем не менее меня все же утвердили на руководящей должности в одном из главков союзного министерства легкой промышленности, и я, беспартийная, более двух десятков лет занимала начальническое кресло. Разумеется, в соответствующем отделе про мое «досье» не забывали. Во-первых, я не получила допуск к некоей специальной информации, считавшейся, очевидно, закрытой или секретной. Во-вторых, я была «невъездной» и так и не смогла съездить к тетке во Францию, где она умерла, не повидав перед смертью никого из родных. В-третьих, помнится, некоторые высокие министерские чины, посвященные во все кадровые тайны, нет-нет да и позволяли себе как бы смехом отпустить замечание по поводу моего не рабоче-крестьянского происхождения. В частности, этот «сомнительный момент» всплыл, когда меня представили к награждению орденом Знак Почета. Но ничего, обошлось...

Надо ли удивляться, что я никогда не афишировала, кто был мой прадед? И даже когда времена гонений на «бывших» вроде бы миновали, а на экраны вышел фильм «Николай Бауман», где почти положительным героем был представлен Савва Морозов, я по инерции жила молчком, боясь накликать какую-нибудь беду.

Началась «перестройка». Отношение к потомкам дворян и купцов стало в корне меняться. Вдруг объявились люди, каким-то образом сумевшие докопаться до «тайн» моей родословной. Особую активность и заинтересованность проявил историк-любитель (по роду своих основных занятий — ученый-физик) из подмосковной Черноголовки Михаил Сергеевич Дроздов. Он неоднократно встречался со мной, внимательно слушал мои рассказы, многое записывал. Я передала ему ряд материалов из семейного архива,

открытки, фотографии и т. п. А он обещал подготовить обстоятельный очерк о трудах и днях прадеда. Но прошло уже несколько лет, а обещанной публикации я так и не увидела. Потому и решила сама взяться за перо и написать о прадеде. К тому же вдохновил меня на это большой знаток истории московского купечества, редкий энтузиаст, стараниями которого на Донской улице, 9, открыт прекрасный музей, посвященный Москве купеческой, Лев Николаевич Краснопевцев. Он убедил меня в том, что написать об Арсении Ивановиче — мой фамильный долг, дань памяти прадеду...

В годы нэпа Арсений Иванович начал было вновь набирать обороты. Но этот период оказался скоротечным. Потихоньку, но неумолимо частный бизнес и торговлю сворачивали. Прадед быстро разобрался в ситуации (был научен горьким опытом) и стал вести скромную жизнь провинциального совслужащего. Правда, вместе с Любовью Степановной активно огородничал и садовничал, и это было при тогдашнем скудном житье-бытье большим подспорьем.

Последние дни Арсений Иванович почти безвыездно прожил в Ногинске (так с 1930 г. стал называться Богородск). К старости он похудел, осунулся, страдал одышкой. Но сохранил душевную широту и сердечное тепло. Единственное, что его страшно угнетало, это тревога за детей и внуков. И он делал все, что было в его убывающих силах, чтобы им помочь, чтобы облегчить им жизнь.

Скончался прадед в 1932 году в возрасте восьмидесяти двух лет. Похоронили его на Рогожском кладбище, на фамильном участке, неподалеку от родовой усыпальницы Морозовых-Никольских. Помню, что похороны были по тем временам очень пышные. Оказалось, Арсения Ивановича помнили многие люди, благодарные ему за сделанное им когда-то добро. Короче, денег на погребение и установку надгробного памятника собрали неожиданно много. Тут и старые друзья сбросились, и рогожская старообрядческая община помогла. Вскоре над могилой поставили огромный дикий камень. На нем было высечено «Морозов Арсений Иванович» и указаны годы его жизни. Всем родным и близким памятник очень понравился. Он как нельзя более соответствовал могучей натуре покойного, который, без сомнения, был мощной и цельной личностью.

Каково же было наше удивление и возмущение, когда в один не прекрасный день мы обнаружили вместо могилы прадеда пустое, голое место. Бесследно исчез и массивный, наверное, не меньше тонны весом камень-памятник. Будто его и не было. Так могила Арсения Ивановича Морозова, не последнего в старой России человека, была стерта с лица земли. Бабушка по поводу этого надругательства и осквернения праха еще говорила, что мертвому отцу выпала та же злая доля, что и живому. При жизни его лишили всего нажитого, после смерти — даже могилы. В конторе кладбища нам, родственникам Арсения Ивановича, нагло заявили, что его могила якобы была заброшена (откровенная и циничная ложь!), а потому как беспризорная срыта. Что касается надгробья, то оно пошло на цокольные материалы для строительства.

Но позднее камень-исполни нашелся. Он всего-навсего «перекочевал» на Новодевичье кладбище, на могилу известного циркового дрессировщика В. Л. Дурова. Из монолитной гранитной глыбы почти в полный рост высекли фигуру укротителя, а компрометирующую часть с прежде выбитой надписью попросту стесали. Видимо, кладбищенская мафия и тогда умела делать свой грязный бизнес, и рогожские воротилы-«теневики» толкнули «подходящий материал» в гранитную мастерскую, получившую выгодный правительственный заказ. Такова примерно наша версия. А там, кто знает. Вполне возможно, что «экспроприация» камня с могилы прадеда была осуществлена и официально. В годы сталинского бандитизма — это было в порядке вещей. Но в одном уверена твердо: семья Дуровых к этому акту вандализма, конечно, никакого отношения не имеет.

Не могу не сказать несколько слов о дочери Арсения Ивановича, моей бабке.

Елизавета Арсеньевна была личностью колоритной и

запоминающейся. В отличие от прадеда помню ее хорошо, даже четко. Женщина она была волевая, энергичная. Прекрасная хозяйка, не чуравшаяся никакой работы и удивительно вкусно готовившая, бабушка была помещана на театре. Про себя она так и говорила: «Я не театралка, а театроманка». Но особой ее страстью была опера. Ее она обожала. Бабушка была одной из самых пылких поклонниц Леонида Собинова. Она была с ним лично знакома. У нее были его автографы и подаренный им медальон с его портретом. Она никогда не унывала и в самых трудных положениях неизменно сохраняла здравый смысл и присутствие духа.

Послеоктябрьские годы были для нее и ее детей тяжкими. От нее ушел муж (мой дед), ей одной пришлось растить пятерых детей. А тут еще бесконечные обыски и визиты чекистов, искавших золото и драгоценности, будто бы припрятанные «недобитой контрой» на черный день.

Как-то раз чекисты были особенно круто настроены и требовали подобру-поздорову отдать золото и «камешки». Иначе грозили «за утайку народного достояния» забрать куда следует. И тут Елизавета Арсеньевна в сердцах вынула изо рта вставную челюсть без единого вправленного туда золотого зуба и швырнула на стол со словами: «Нате, забирайте!» Как ни странно, этот жест отчаяния подействовал. Чекисты поверили, что золота нет, и убрались восвояси.

Есть в связи с прадедом деликатный сюжет, который касается уже лично меня. По России полным ходом идет приватизация. Люди получили ваучеры и пытаются их выгодно реализовать. Вот и я грешным делом загорелась желанием пристроить свой приватизационный чек не куда-нибудь, а в концерне «Глуховотекс», поскольку, по моему разумению, все же имею некоторое отношение к этой фирме. Как мне известно, до сих пор целы запущенные еще прадедом цехи, работает кое-что и из созданной им инфраструктуры. Да и вообще в ногинском краеведческом музее развернута внушительная экспозиция, освещающая жизнь и дела А. И. Морозова, его особые заслуги перед городом и его ведущим предприятием. Причем, по рассказам сотруд-

ника Богородского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) Михаила Валентиновича Золотарева, земляки очень чтут Арсения Ивановича и считают его почетным гражданином.

Вдохновенная такими обнадеживающими словами и уверовав в то, что добрую память о прадеде хранят и руководители теперешнего концерна «Глуховотекс», я, как действительный член Общества купцов и промышленников России, написала его генеральному директору Михаилу Семеновичу Губерману письмо с просьбой, во-первых, предоставить мне возможность побывать на предприятии, осмотреть его, пообщаться с ветеранами Глуховки и, во-вторых, сообщить, если ли у меня шанс приобрести на свой ваучер положенное число акций.

К сожалению, после моего письма ни ответа, ни привета не последовало. Тот же Михаил Валентинович Золотарев популярно объяснил мне, что г-н Губерман человек очень занятой, с головой ушедший в бизнес, и поэтому, очевидно, ни у него, ни у его помощников нет ни времени, ни желания встречаться со мной.

И тогда я представила, как бы повел себя в подобной ситуации мой прадед, окажись он на месте нынешнего главы концерна «Глуховотекс» и получи такое вот письмо. Уверена, реакция его была бы совершенно другой. Он обязательно и незамедлительно откликнулся бы. Выяснил бы, как и на что я на старости лет живу, спросил бы, не нужна ли мне какая-то реальная и конкретная помощь. И уж, разумеется, пригласил бы на предприятие, организовал экскурсию и безотлагательно решил вопрос с моим приватизационным чеком.

Но что об этом говорить! Прадед принадлежал к совсем другой плеяде, к другому деловому миру. То была совершенно иная генерация людей. Со своими устойчивыми благотворительными традициями, с твердым кодексом чести, со своей незыблемой шкалой нравственных ценностей. А главное — то была особая и, к сожалению, напрочь теперь утраченная национальная культура...

Москва